

1

Вечером сад пах фиолетово: лавандой и накатывающим издали, из-за последней улицы, мелким в этих краях морем. На заре же, как только начинали петь птицы, смоквы в саду заливал молочный свет и пахло сливками, разбавленными чем-то соленым.

Так, что от всех этих густых ароматов становилось даже щекотно.

Щекотало где-то под усом. Под длинным, темно-зеленым нитевидным усом.

И под вторым тоже.

Радужный Великолепный, *Mantis Iridescent Splendid*, щурился всеми своими фасетками на встающее над смоквами солнце, принюхивался и начинал утренний ритуал.

Протереть лапками оба огромных глаза; повернуть треугольную, умную голову за спину, словно она прикручена на шарнирах, и осмотреть, все ли в порядке с крыльями; попробовать их на упругость, на разворот — до тугого хлопкá; почистить задние конечности, издавая аккуратненький стрекот. Оставалось одно. Тот момент, к которому богомол внутренне готовился всю ночь — и который откладывал все утро. Очень волновался.

День впереди долгий, можно никуда не спешить.

Еду (мелких мух, живое комарье) — просунут в специальное отверстие в аквариуме, зажав пленника в пинцете. Сухой корм, толченых жуков, противных, как для некоторых овсянка в детском саду, он не ел. Воды не надо, забот никаких и — можно так и просидеть, молитвенно сложив передние лапки, всю жизнь.

То есть все оставшееся лето.

Но.

Радужный Великолепный не собирался сдаваться.

Солнце стояло уже высоко, дольше откладывать и нервничать было уже недопустимо, и богомол предпринял очередную попытку.

Ежеутреннюю. Сто тридцать восьмую по счету.

Хотя его вид так долго и не живет. Но в неволе *Mantis Iridescent Splendid*, говорят, иногда протягивают и до полутора лет.

Хотя кто это говорит? Кто их видел? Радужных Великолепных в неволе?..

Богомол подтянул к груди кривую правую ножку и попытался вложить, как лезвие в ножны,

правую голень в желобок утыканного шипами бедра. Но и в это утро упражнение «перочинный ножик» не вышло. Правая ножка не починилась... Не прошла проверку, не зажила. А это значило, что при гипотетической посадке Радужный Великолепный потерпел бы крушение, не смог бы выпустить шасси как надо... Тогда и взлетать смысла не было. Какой неоправданный риск! Хотя что ему еще оставалось?..

Вырваться. Это все, о чем он мечтал.

Да хотя бы просто взмыть на ближайшую смокву за несколько отчаянных, стремительных рывков, вспомнить, как стрелой уносится вперед длинное и легкое тело, как — словно купола дворцов венецианских дождей — сверкает под солнцем его спинка лазурным и золотым! Достоянейшая спинка редчайшего, великолепного вида Mantis, похожего на драгоценную узкую брошь.

Радужный Великолепный сокрушенно опустил заостренную, увенчанную тремя дополнительными маленькими глазками голову на грудь и сложил передние лапки. Правая торчала в сторону, вбок.

Но только и делать, что печально молиться — сегодня и впредь, — он не собирался.

Он собирался побеждать.

Богомол выстрелил сверкучими крыльями, расправив их, как веер, и, не отказав себе в удовольствии обернуться на сто восемьдесят градусов и полюбоваться на их изумрудно-золотой перелив, встал в боевую стойку танланцюаня¹.

¹ *Танланцюань* — один из стилей китайского боевого искусства ушу, так называемый стиль богомола.

Врагов поблизости не было, богомол это ощущал двумя чувствительными отростками внизу своего золоченого фрака, который носил не снимая. Это была еще не тренировка, скорее разминка, напоминание самому себе: «Мы еще повоюем! Есть еще порох в пороховницах! Дашь здоровые лапы!» Радужный Великолепный был настроен решительно — и готов победить самого себя.

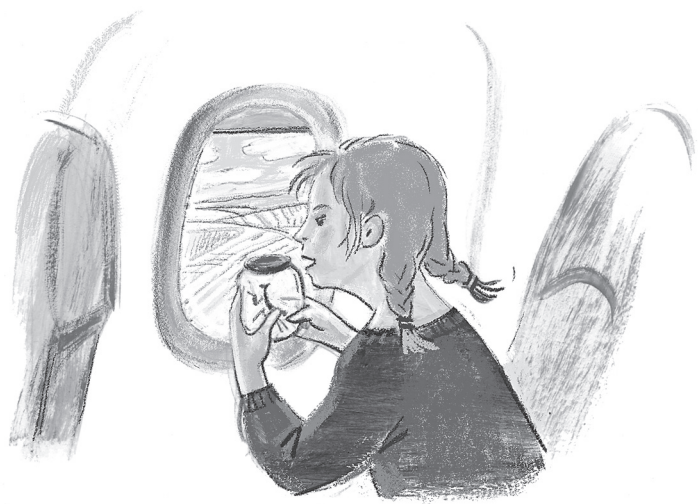
Обе передние ножки, похожие на антенны космического корабля, взлетели выше треугольной головы, перегнувшись во всех коленцах, так что богомол стал еще больше походить на инопланетянина. Отливающие драгоценной бронзой крылья расправились за спиной, как развеваемый бурей плащ, и все три маленьких дополнительных глаза под основанием усиков засветились отчаянной отвагой.

Барбара Эр — косички в разноцветных резиночках, беличий разрез темных (с золотым пятнышком внутри, если смотреть на солнце) глаз — наблюдала за богомолем, присев на колени в углу веранды и затаившись.

Радужного Великолепного каждый вечер тревожил фиолетовый запах из сада.

И она это знала.

2

Сад кишел жизнью.

Манил возможностью полета.

До Огненной Земли, до мыса Собак, откуда девочка привезла богомола, лёту было — как раз успеть до старости и конца.

При условии, если стартовать прямо сейчас.

Через озера степных краев, африканские пустыни, закругляющийся на глобусе великий океан, через тропический пояс и последние города на краю земли. А там уже рукой подать. Мыс Собак. Дом родной.

Который он бы никогда не покинул и не оказался в стеклянном аквариуме, если бы в тот штормовой день ветер, заходящий от пролива пирата Дрейка, не снес бы Радужного Ве-

ликолепного с насиженной ветки магнолиевogo куста и не швырнул бы на шоссе, уходящее к океану.

Беспамятный и помятый, богомол затих на обочине. Правая ножка... лежала как будто отдельно.

Наутро, когда ветер от пролива стих, Радужного Великолепного, то ли прикинувшегo мертвым, то ли и правда не совсем живого, кто-то подцепил сухой палочкой. Сковырнул. Сунул в темный карман, пахнувший карамелью.

Это была Барбара Эр.

Сушенный богомол должен был войти в ее богатую коллекцию, выловленную детским сачком на просторах рыже-голубого мыса Собак, и лететь в самодельном несессере, сооруженном из бывшего школьного пенала, в багажном отсеке. Но Радужный Великолепный вовремя очнулся, зашевелил всеми пятью оставшимися ножками, блеснул на раскрытой ладони самым радужным образом... И был немедленно устроен в стеклянной банке из-под сардин, сразу став важнейшим экземпляром. Гостиничный коридор огласился радостными криками. От клейкой ленты была отцеплена полуживая муха. А еще через день Радужный Великолепный уже пересекал великий океан — в салоне эконом-класса вместе с девочкой и ее родителями, возвращающимися из командировки.

Лёту было — целый день.

Над последними городами на краю земли, через тропический пояс, африканские пустыни, озера степных краев...

Путешествие, которое еще не предпринимал ни один Mantis в природе. Они вообще домоседы: всю жизнь могут провести на одной магнолиевой ветке, если на ней будет водиться достаточно мелкой живности для прокорма.

В пункте назначения богомолу купили приличный аквариум, посадили его на пластиковую веточку и раз в день подпихивали полуживых насекомых, которых Барбара Эр ловила в саду, настигая их с индейскими криками розовым сачком.

На вид девочке было лет девять.

На нее и на добытых не в честном бою мух Радужный Великолепный смотрел презрительно и позволял себе сделать буквально пару отрывистых движений мощными челюстями: съесть столько, сколько необходимо для поддержания в себе жизни, — и ни мухой больше.

Никакой праздности, никакого лентяйства — и никакого уныния! Нет. Собери волю в кулак. Да, ты пленник. Но не нюня. Не нытик. Не трус. Ты радужен и великолепен. И ты вернешься домой!

В обратную сторону, до мыса Собак — богомол уже все рассчитал, — лететь было долго, значительно дольше одного дня, но — не невозможно. Дорогу он помнил: видел ее в иллюминаторе. И у него даже было еще немного времени в запасе, чтобы окрепнуть, разработать ножку, поупражнявшись в «перочинном ножике», и придумать план.

Нак, тик, тцак!

3

«Нак, тик, тцак!» — это бормотание из сада постоянно прерывало упражнения богомола, выводило его из задумчивого равновесия. Аквариум, огромная стеклянная банка Радужного Великолепного, стоял на открытой веранде, и сад, который страшно его манил, был не просто на расстоянии вытянутой лапки: он был везде, повсюду и внутри. Аквариумное стекло было тонко и прозрачно, но стекло есть стекло, и эта возможность свободы, этот волнующий запах, эти шорохи из-под красных далий и ореховых кустов, эта волна, пробегающая по кронам смоков, разбуженных ветром, страшно мучили богомола своей недоступной близостью. И одновременно страшно вдохновляли на побег.

Побег! Даже если ты не доберешься домой. Но — умереть свободным! Погибнуть в бою — вот достойный исход! Покинуть аквариум — даже если навсегда придется остаться здесь, в саду, на нижней шелковичной ветви. Чтобы небо прорывалось сквозь прорези листьев и можно было наблюдать ход фиолетовых облаков...

Лишь бы не эту стеклянную стену!

Которая была явственно различима даже в темноте. Иногда, ночами, когда приходила бессонница и приводила с собой открытки с видами Огненной Земли (тонкие силуэты парусников дрожат на золотом закатном свете, медью отдающем на черной глади залива), богомол приоткрывал три своих «запасных» глазка, как будто боясь травмировать предстоящим зрелищем свои большие «настоящие» глаза, и в безумной надежде прищуривался в обволакивающем его сумраке.

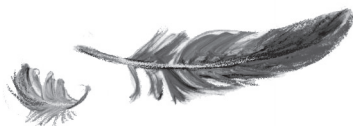
Аквариумное стекло было на месте.

Оно давало мутный ночной блик, как будто слабо испускало накопленный днем свет... Надеяться было бессмысленно.

Нак, тик, тцак!

Через несколько дней после «новоселья» богомол уже знал, кто это надрывается так в саду.

Это была Бледная Бормотушка.

4

Бормотушка, *Iduna Pallida*, маленькая птичка семейства воробьинообразных, которой при иных обстоятельствах он, будучи голоден, теоретически мог бы вгрызться в шею, не закрывала клюва, казалось, даже в ночи. Особенно сильно ему хотелось зажать ее своим фирменным хватом (между бедром и голенью, как будто чикнув ножницами), когда он слышал ее скрипучий голос вечно недовольной старушки, проводящей все свое время на скамеечке у подъезда. Нак, тик, тцак!

«Время, богомол, время! — как будто бубнила Бледная Бормотушка. — Твое время уходит! Лето заканчивается! Ближе к зиме выйдет и срок жизни (даже в неволе!), а в конце осени в здешнем

климате невозможно будет предпринять никакого путешествия: первый снег! Нак, тик, тцак!»

Радужный Великолепный сжимал челюсти и оставался недвижим.

Весь ужас в том, что Бормотушка была права.

«У тебя и правда есть только эти дни, пока сад пахнет так волнующе-фиолетово, обещая удачу, и пока ты не растерял остатки мужества и покоя, — говорил себе Радужный Великолепный. — Только эти считанные дни!»

Нак, тик, тцак!

Iduna Pallida верещала с ближайшего к веранде куста ежевики, нимало не боясь ее колючей щетинки. Злое лицо птички было как щепоть — все черты как будто собраны к желтому клюву.

«Но ты все равно опоздаешь, богомол, опоздаешь! И ничто тебя уже не спасет. Никто не приставит тебе новую ножку, никто не купит тебе билет этих аэролиний, никто не отнесет тебя в кармане, пахнущем карамелью, до мыса Собак. Прощайся, богомол, прощайся! Время!»

Иногда занудные и вредные речи Бормотушки, косящей с ежевичного куста серым глазом, превышали всякую меру терпения и заслоняли собой даже затекающий на веранду обещающий свободу запах лаванды. В такие минуты богомол принимал боевую стойку танланцюаня.

Я тебя съе-е-е-е-ем!

Нет, не так.

Спокойствие! Решительность! Сила! Нас же этому учили.

Спокойствие.

Решительность.

Сила.

Ножки, обращенные вверх, словно нащупывают небо, туго натянутые крылья трепещут, три маленьких глазка застыли в твердом прищуре...

«Ты взлетишь! — успокаивал себя Радужный Великолепный, стоя в стойке „Кулак богомола“ и приводя дыхание в норму.— Бормотушка обманщица! Ты не дашь ей себя напугать!»

Сад вздыхал за стеклом, сворачивая потихоньку желтеющие листья.

